

Толстой Алексей Константинович

**Змей-Тугарин. Куклы
маленькой царевны.
Двойник. Приеммыш**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Константинович Т.**
Змей-Тугарин. Куклы маленькой царевны. Двойник. Приемыш / Толстой
Алексей Константинович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-77033-0

Былина: Сказка: Святочный рассказ: Быль

ISBN 978-5-519-77033-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗМѢЙ ТУГАРИНЪ.

(Былина.)

Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ близъ стольнаго Кіева града, пируетъ Владиміръ, и съ нимъ молодъ и старъ, и слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ — ой, ладо, ой, ладушко — ладо! И молвитъ Владиміръ: что-жъ нѣту пѣвцовъ? Безъ нихъ мнѣ и пиръ не отрада! И вотъ изъ дальнихъ рядовъ незнакомый выступаетъ пѣвецъ на княжескій зовъ. Глаза словно щели, растянутый ротъ, лицо на лицо не похоже, и выдались скулы углами впередъ, и отъ ужаса ахнулъ русскій народъ: ай, страшная рожѣ! И началъ онъ пѣть на невѣдомый ладъ: — владычество смѣлымъ награда! Ты, княже, могучъ и казною богатъ, и помнитъ ладъи твои дальній Царьградъ. Но родъ твой не вѣчно судьбою хранимъ, настанетъ тяжелое время, твой Кіевъ обнимутъ и пламя, и

дымъ, и внуки твои будутъ держать золоченое стремя моимъ внукамъ! И при такомъ словѣ вспыхнулъ Владиміръ, досада загорѣлась въ очахъ, но вдругъ засмѣялся и хохотъ кругомъ въ рядахъ прокатился, какъ громъ по небу. Смѣется Владиміръ и съ нимъ смѣются сыновья смѣется потупясь княгиня, смѣются бояре, смѣются князья, удалый Поповичъ и старый Илья, и смѣлый Никитичъ Добрыня. Пѣвецъ продолжаетъ: смѣшна моя вѣсть, и вашему уху обидна? Кто могъ бы изъ васъ оскорбленіе снести! Безцѣнное русскимъ сокровище честь ихъ клятва: да будетъ мнѣ стыдно! На вѣчѣ народномъ вершится ихъ судъ, обиды смываетъ съ нихъ поле, но дни, погодите иные придутъ, и честь, государи, замѣнитъ вамъ кнутъ, а вѣче—каганская воля!—Стой, молвить Илья, твой хоть годось и чистъ да пѣсня твоя не пригожа! Былъ воръ Соловей, какъ и ты голосистъ, да я пятерней приглушилъ его свистъ, — съ тобой не случилось бы тоже! Пѣвецъ продолжаетъ: и время придетъ, уступить нашъ ханъ христіанамъ, и снова подымется русскій народъ, и землю единый изъ васъ соберетъ, но самъ же надъ ней станетъ ханомъ. И въ теремѣ будетъ сидѣть онъ своимъ подобенъ кумиру средь храма и будетъ онъ спины вамъ бить

батожьемъ, а вы ему стукать да стукать челомъ— ой горькій срамъ!—Стой молвить Поповичъ, хоть дюжій твой ростъ, но слушай поганая рожа: зашла разъ корова къ отцу на погостъ, махнулъ я ее черезъ крышу за хвостъ, тебѣ не было бы того же! Но тотъ продолжаетъ, ослабивши пасть: обычай вы нашъ переймете, на честь вы поруху научитесь класть, и вотъ, наглотавшись татарщины всласть, вы Русью ее назовете! И съ честной поссоритесь вы стариной, и предкамъ великимъ на соромъ, не слушая голоса крови родной, вы скажете; станемъ къ Варягамъ спиной, лицомъ повернемся къ Обдарамъ!—стой! молвить, поднявшись, Добрыня. не смѣй, пророчить такого намъ горя. Тебя я узналъ изъ негодныхъ рѣчей; ты старый Тугаринъ, поганый тотъ змѣй, приплывшій отъ чернаго моря! На крыльяхъ бумажныхъ, ночью порой, ты часто вкругъ града Кіева леталъ и шипѣлъ, но тебя не впервой поподчую я каленою стрѣлой.

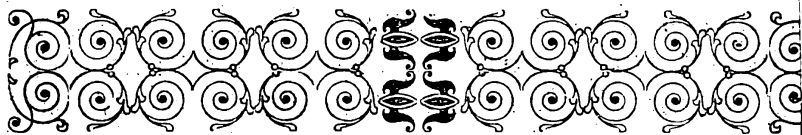
И Началь Добрыня натягивать лукъ, и вотъ, на потѣху народу, струны богатырской послышавши звукъ, во змѣя пѣвецъ перекинулся вдругъ и съ шипомъ бросается въ воду.—Тьфу, гадина! молвить Владимиръ, и носъ зажалъ отъ несноснаго смра-

да, чего ужъ онъ въ скарёдной пѣсни не несъ, но благо удралъ отъ Добрынюшки песъ—ой, ладушко ладо! А змѣй по Днѣпру разстилаясь, плыветъ, и смѣхомъ преслѣдуя гада, по немъ улюлюкаетъ русскій народъ—чай пѣсни теперь уже намъ не споетъ. Смѣется Владиміръ: витѣй выдумалъ намъ: какимъ угрожать онъ позоромъ! Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ! Чтобъ спины подставили мы батогамъ! Чтобъ мы повернулись къ Обдрамъ! Нѣтъ шутишь! Живетъ наша русская Русь, татарской намъ Руси не надо! Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь, за честь нашей родины я не боюсь. А еслибъ надъ нею бѣда и стрясась, потомки бѣду перемогутъ! Бываетъ, примолвилъ свѣтъ солнышко князь, неволя заставить прыгать черезъ грязь, купаться, въ ней свиньи лишь могутъ! Подайте жъ мнѣ чару большую мою, ту чару добытую въ сѣчѣ, добытую съ ханомъ хозарскимъ въ бою, за русскій обычай до дна ее пью, за древнее русское вѣче! За вольный, за честный славянскій народъ, за колоколъ пью Новограда, и если онъ даже и въ ирахъ упадетъ, пусть звонъ его въ сердцахъ потомковъ живетъ. И пью за Варяговъ, за дѣдовъ лихихъ, кѣмъ русская сила подъята, кѣмъ

славень нашъ Кіевъ, кѣмъ грекъ приутихъ,
за синее море, которое ихъ, шумя, принесло
отъ заката! И выпилъ Владиміръ, и разомъ
кругомъ, какъ плескъ лебединого стада, какъ
лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ, народъ
отвѣчаетъ за князя мы пьемъ. Да править
по русски онъ рускій народъ, а хана намъ
даромъ не надо! И если, настанетъ година
невзгодъ, мы, вѣримъ, что Русь ихъ побѣд-
но пройдетъ.

Пируетъ Владиміръ со свѣтлымъ лицомъ,
въ груди богатырской отрада; онъ вѣритъ:
побѣдно мы горе пройдемъ, и весело слу-
шать ему надъ Днѣпромъ ой, ладушко—
ладо. Пируетъ съ Владиміромъ сила бояръ,
пируютъ посадники града, пируетъ весь
Кіевъ, и молодъ, и старъ, и слышенъ далеко
звонъ кованыхъ чаръ—ой, ладушко—ладо!

Гр. А. Толстой.

Куклы маленькой царевны.

(Сказка.)

Жила — была царская дочка и достигла такого возраста что умѣла уже играть в куклы. Отецъ и мать любили ее, любили тетки. Приѣзжали къ нимъ въ гости король и принцы и привозили царевнѣ все лучшихъ и лучшихъ куколъ. Были между ними и брюнетки, и блондинки въ дорогихъ нарядахъ, и тиролька — крестьянка, и гусаръ со шпорами, и пестрый арлекинъ, и зайчикъ умѣющій бить въ барабанъ.

Былъ, конечно, и сказочный дѣдъ черноморъ съ огромной бородой. Много было куколъ. Но не умѣли эти куклы заслужить любовь маленькой царевны. Всѣ-то были онѣ глупы, смотрѣли другъ на друга, выпуча глаза и даже „добраго утра“ не могли

выговорить. Гораздо больше нравились ей куры на птичномъ дворѣ. Были тамъ и бѣлыя, какъ снѣгъ, съ мохнатыми ногами и султанами, какъ у жандармовъ. Были черныя съ краснымъ, какъ кровь, гребнемъ. И всѣ онѣ расхаживали такъ кокетливо, помахивая крыльями и разговаривая между собой. Одна гововорить, другія понимаютъ. А когда пѣтухъ запримѣтитъ въ облакахъ опасную птицу и закудахтаетъ, всѣ цыплята бѣгутъ къ матери, и она прячетъ ихъ подъ себя. У маленькой царевны была нянька и гувернантка, которыя повсюду ходили съ ней.

— Почему, спрашивала царевна, — куры ходятъ и разговариваютъ а куклы нѣтъ? нянька не умѣла отвѣтить, спросила царевна гувернантку, та столько же знала, сколько и нянька. Наконецъ она обратилась къ матери.

— А потому, что Богъ такъ устроилъ: куры живыя, а куклы не живыя.

Маленькая царевна поняла это объясненіе, потому что была очень умный ребенокъ. Ей шелъ шестой годъ. Но понявъ, она не успокоилась. Однажды, когда снова пришли они съ нянькой и гувернанткой на птичный

дворъ, царевна увидала, что птичникъ клалъ яйца въ корзину и сажалъ на нихъ насѣдку.

— Зачѣмъ она садится на яйца? спросила царевна у няньки.

Нянька отвѣтить не смѣла. Царевна къ гувернанткѣ. Эта не знала. Птичникъ слышалъ вопросъ царевны и открылъ ей тайну:

— А вотъ курица посидитъ на яйцахъ и выведутся цыплята.

И онъ принесъ царевнѣ корзину вмѣстѣ съ насѣдкой, у которой уже выклевывались цыплята. Какъ разъ изъ подъ матери выходилъ одинъ цыпленокъ; кусокъ скорлупы былъ у него на головкѣ, въ другомъ онъ сидѣлъ самъ и долбилъ ее носикомъ. Цыпленокъ понравился царевнѣ, и она гладила его по теплomu желтому пушку.

— Теперь я знаю, въ чемъ дѣло, сказала царевна про себя. Но она удержалась и не высказала свою мысль. Не все вѣдь можно говорить нянѣ и гувернанткѣ.

Ложась въ постель, она собрала всѣхъ своихъ куколъ, уложила ихъ подъ подушку и легла на нее. Она была убѣждена, что куклы оживутъ. Дѣйствительно такъ и случилось. Какъ только куклы согрѣлись, онѣ начали высовывать головки изъ подъ подушки и вылѣзать одна за другой. Сначала вы-

шла брюнетка въ красномъ платьѣ, затѣмъ блондинка въ голубомъ. Пока онѣ не видали одна другую, были милы и хороши, но какъ только разсмотрѣли другъ друга, заплакали обѣ сразу и бросились къ матери.

Мать эта была, конечно, царевна.

— Я хочу такую же черную косу, какъ у ней, кричала блондинка.

— Я хочу такое же голубое платье, какъ у сестры.

— Я хочу красное платье!

— Какая я тебѣ сестра? Ты старуха!

Онѣ начали драться.

— Ахъ, какія дурныя дѣти! вздыхала царевна. Ну, какъ ихъ помирить?

Потомъ вышелъ арлекинъ. Въ рукѣ у него была деревянная сабля, онъ замахалъ ею и запѣлъ романсъ.

— Это мнѣ серенада!

— Нѣтъ мнѣ!

Къ вечеру вывелся гусаръ. Онъ закрутилъ усы и щелкнулъ шипорами. Подошелъ къ арлекину и нахлобучилъ ему шапку до самого подбородка. Паяцъ разсердился и вызвалъ его на дуэль. Вынули сабли и стали биться.

— Бѣда съ ними! Они изрѣжутъ другъ друга! кричала царевна. Ахъ какое несчастіе имѣть дурныхъ дѣтей!

Выползъ заяцъ и ударилъ въ барабанъ. Оба героя такъ испугались, что убѣжали за занавѣску.

— Вотъ такъ храбрецы! укоряла ихъ царевна.

Не стоили вы, чтобы и на свѣтъ Божій выйти. Что съ такими трусами? Женить ихъ надо — авось поумнѣютъ. Какъ добрая мать она нашла каждому пару. Арлекину дала брюнетку, Гусару блондинку.

— Не разсуждать! Смирно! Я такъ хочу!

Подошелъ Черноморъ — дѣдъ съ бородой.

А у него ноги не двигаются. Ай—ай! Какой стыдъ! старый человѣкъ, а должно быть изрядно выпилъ. Дѣдушка, приди же въ себя. Вотъ обѣ пары.

Но пока черноморъ ковылялъ, они уже успѣли перемѣнить невѣстъ: гусаръ подхватилъ брюнетку, арлекинъ блондинку. Наконецъ разозлился и старикъ. Взялъ палку и началъ ихъ разгонять. Глядь гусаръ съ арлекиномъ подхватили тирольку подъ руки.

— Нельзя, нельзя! воскликнула царевна. Вотъ я васъ! Маршъ въ школу! ты, гусаръ въ академію, а ты въ университетъ.

Дѣдъ — Черноморъ схватилъ обоихъ за уши и повелъ одного въ академію, другого